

Николай Удальцов

Поэтесса

Короткий роман

Книга четвёртая

МОСКВА 2012

УДК 82
ББК 84

Удальцов Н. А.

«Поэтесса» – М.: 2012, - 214 с.

На обложке картина автора.

Ее название:

***«...Выше дороги – трава.
Выше травы – холмы.
Выше холмов – деревья.
Выше деревьев – небо.
Выше неба – мечта.
Но увидеть все это может только тот,
кто на дороге выше травы...»***

Другие картины автора на сайте
www.udaltsov.net

ISBN 978-5-452-04718-6

УДК 82
ББК 84

**Моя Родина может
назвать меня неправым,
но не признать того, что я прав,
не сможет даже моя Родина...**

Поэтесса

Короткий роман

*...По-над городом лег смог...
Белый снег засыпал зелень трав...
И, наверно,
если б я смог,
Я б, конечно,
был всегда прав...*

1

...Администрация клуба современного искусства «Белый конь» состояла из президента, вице-президента и генерального директора – человека, близкого к олигархическим кругам, никогда в клубе не появлявшегося, но исправно оплачивающего аренду помещения на Остоженке и по первой же просьбе обеспечивающего фуршеты.

Правда, будучи человеком, занятым в солнечных, а иногда и туманных финансовых сферах и государственной макрополитике, генеральный директор иногда путался и мог прислать к вечернему банкету ящики с соком и торты от Елисеева, а к утреннику – водку «Русский стандарт», оливки, исландскую сельдь и маринованные итальянские патиссоны.

Поговаривали о том, что, в тот день, когда менее искушенных, тех, что с коробкой из-под ксерокса, ловили у центрального входа в Белый дом, будущий генеральный директор клуба «Белый конь» вывез с черного хода ящик от рояля.

Впрочем, генеральный директор был весьма корректен, ни во что не вмешивался, ничего не требовал и присылал приветы на гербовой бумаге, в получении которых вице-президент регулярно расписывался в блокноте у посыльного, приезжавшего на черном джипе «Форд-

экспедишен» в сопровождении еще одного джипа с охраной.

Да и то сказать – если у человека посыльный с джипом охраны, то как же его самого охранять нужно.

И какие уж тут могут быть клубы современного искусства.

И какие «Белые кони»...

...Рассказывают, что он, приехав в Москву, начинал простым дворником.

Вот – судьба!.. – часто говорили о генеральном директоре те, кто знал о нем что-то.

И еще чаще те – кто ничего не знал.

Ни о нем, ни о чем-то ином.

«Судьба плохой учитель, но хороший воспитатель», – услышал однажды вице-президент от кого-то из друзей и не запомнил – от кого? Как не запомнил того, по какому поводу были сказаны эти слова...

...Президент клуба носился по различным поэтическим конкурсам и фестивалям авторской песни, где регулярно получал лауреатские дипломы и другие награды, а вице-президент за неимением иных обязанностей таскал за президентом электрическую аппаратуру.

Так как работы было мало и она не оплачивалась, вице-президент волей-неволей стал задумываться над тем, чем бы ему поразнообразить свою жизнь в клубе.

Для начала он стал целовать своему президенту руки.

Потом – целовать президента в щеку.

И однажды его губы, скользя по щеке, перебрались на шею, а рука, пользуясь президентским молчанием, расстегнула батик на груди президента.

Лишь после того как вторая рука вице-президента прошла по спине в поисках застёжки, президент разжал губы:

– Лифчик французский.

Застёжка спереди...

...Президентом клуба современного искусства «Белый конь» была очаровательная женщина, поэтесса и бардесса Лариса Алова.

А вице-президентом был я – человек, по моим наблюдениям, являющийся центром Вселенной.

Во всяком случае, куда бы я ни приезжал, на западе от меня всегда оказывался запад, на востоке – восток, на севере – север, а на юге – юг.

Более того, даже если я забирался в горы или опускался с аквалангом ниже уровня моря, верх все равно находился над моей головой, а низ – прямо под моими ногами...

...Мы с президентом и до этого часа доверяли друг другу, а потом наше доверие распустило свои ветви так широко, что переросло разумные пределы – Лариса стала позволять мне читать свои дневники.

И однажды я прочел короткую запись, сразу, не глядя на дату, поняв, какой именно день она имела в виду – день, в который мы оторвали первую страницу в календаре, отсчитывающем даты нашей совместной жизни: «Я ощутила себя ларцом с сокровищами и почувствовала, как он нежно, но непрекословно вставляет свой ключ в замочек этого ларца...»

Есть слова, которые запоминаются навсегда, и потом, через много дней, когда мы встретились уже посторонними друг другу людьми, я не удержался и, напомнив Ларисе ее запись, спросил:

– А после этого ты не чувствовала ничего подобного? – и она покачала плечами:

– После этого ларец для тебя не закрывался.

Так получилось, что наши отношения обошлись без предварительных ухаживаний – черновиков любви; и в тот день мы, как спринтеры, прошли всю дистанцию почти мгновенно.

Лариса сама помогла мне.

Поднявшись с диванчика, она спросила:

– Что ты еще хочешь?

– Между моим полным мужским счастьем и твоей женственностью осталась одна-единственная мелочь.

– Какая?

– Твоя губная помада.

И тогда Лариса стерла губную помаду со своих губ самым приятным для мужчины способом...

...Рассматривая перспективы мироустройства, Господь Бог, вполне возможно, предполагал переправу современного искусства прямо в рай, минуя Министерство культуры.

Причем – различными путями.

В том числе и через клубную деятельность.

Но этим благим устремлениям Всевышнего в клубе «Белый конь» был нанесен древнейший в мире удар.

И, возможно, на нас Он смотрел с таким же осуждающим сожалением, как и на первых двоих. Тех, что нарушили Его запрет и предстали перед Ним, смущенно, но удовлетворенно улыбаясь.

Хотя лично мне кажется, что в анналах церковной истории данная ситуация описана не вполне верно.

И, возможно, Господь не проклял их, а, как старый добрый дедушка, просто махнул рукой, прошептав: «Да ладно, чего уж там...»

Впрочем, на лавры Адама и Евы мы не претендовали.

И даже не вспомнили о прародителях, потому что нам было не до их ошибок.

Ошибки мне и Ларисе предстояло сделать свои.

И судьями себе быть могли только мы сами.

Удивить могло лишь одно – то, что произошло, не удивило нас.

Что ж, смертные грехи давно бессмертны.

Может, потому, что некоторые из них на удивление приятны.

У Ларисы, как у всякой хорошей поэтессы, вышло на эту тему стихотворение.

И это меня тоже не удивило, ведь настоящие поэты пишут о том, в чем разбираются.

Или, как минимум, о том, в чем хотят разобраться:

Слова Писанья сказаны для всех.

И их, конечно, слышал всяк, кто смертен.

Но есть один бессмертный смертный грех.

Я даже знаю –

почему он так бессмертен...

– ...Отчего это случилось с нами только сейчас? – ничего другого не пришло мне в голову. – Отчего – не раньше?

– Раньше я хотела понять, что ты за человек, – Лариса говорила тихим, смирным голосом. И мне показалось, что эти слова она произнесла не для меня, а для себя.

- Теперь ты поняла это?
– Не знаю. Но мне очень важно это понять.

В этих словах Ларисы не было ничего неожиданного – если я постоянно думал о том, кем является она – она рано или поздно должна была задуматься о том, кем являюсь я.

- Если поймешь – обязательно расскажешь мне.
Ладно?
– Ладно.
– Обещаешь?
– Нет.

– Почему? – спросил я, не оттого, что меня удивил отрицательный ответ, а потому, что действительно стало интересно.

И Лариса ответила:

– Потому что ты можешь оказаться совсем не таким, каким я тебя себе представляю...

...Впрочем, об этом я задумался потом.

А тогда, вечером, Лариса уехала на своих «Жигулях». И я стоял и смотрел на то, как она отъезжает, до тех пор, пока огоньки ее машины не смешались с единым потоком габаритных огней, раздваивавшимся в конце Остоженки.

Кому-то из тех, кто был в пути, нужно было в сторону Музея изобразительных искусств, кому-то – в сторону храма Христа Спасителя.

А кому-то мимо и того и другого...

...Мы воспользовались опытом наслаждений, одолженным нами у человечества.

Теперь оставалось вернуть человечеству долг, и мир можно было бы считать гармоничным...

*...Звезда сверкнула в небыльном сиянье,
Заговорила светом, а не звуком.
Небесное оставив одеянье,
Легла нагой в протянутую руку.*

*Сведя своей случайной ролью
Земную и небесную заботу.
Ее свобода
– выбирать неволю.
Ее неволя
– выбирать свободу...*

Позвонив мне наутро и прочитав эти стихи, написанные ночью, Лариса продемонстрировала мне, что уже приступила к реализации плана возвращения нравственных долгов человечеству.

А мне пока нечего было ответить на ее вопрос:

– Что ты делаешь? – и потому пришлось сказать правду – не всегда верный, но все-таки выход.

А уж вход в новую ситуацию – почти всегда:

– Опровергаю, – честно признался я.

– Что? – удивилась Лариса, продемонстрировав чисто женское отношение к окружающему нас миру – услышав тон, которым был задан ее вопрос, можно подумать, что мир таков, что в нем нечего опровергать.

– Опровергаю утверждение о том, что единственной формой существования материи является движение, – произнося эти слова, я вздохнул. И мой вздох с одинаковым успехом можно было отнести и к несовершенству законов, определяющих наше представление о мироздании, и к моему собственному несовершенству.

Лариса, подумав немного, выбрала несовершенство мира, и не обозвала меня банальным лентяем.

Она просто спросила: